

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА

УДК 316.6

АВТОНОМИЯ КАК ЛИЧНОСТНАЯ ДИСПОЗИЦИЯ

Э.Ю. Майкова

Тверской государственный технический университет (Тверь)

Статья посвящена истолкованию понятия «автономии» как личностной диспозиции. Очерчивается терминологический контекст понятий, релевантных автономии. Среди них – субъектность, самодетерминация, саморегуляция. Проблематизируется возрастание автономии личности в условиях влияния современных технологий.

Ключевые слова: автономия, личностная диспозиция, самодетерминация.

Тема автономии остается весьма привлекательной в философской мысли. Обострение интереса к феномену автономии в современной теоретической мысли вызвано появлением «жестких» форм социальности, массивной интервенцией социального в личное пространство, потерей контроля над продуктами современных информационных технологий, обозначением и сохранением границ личной идентичности, утратой чувства онтологической безопасности, необходимостью, по словам М. Фуко, постоянного поддержания, конституирования своей автономности. Высокая взаимозависимость социальных интеракций, информационная и коммуникативная избыточность влекут необходимость селекции внешнего, среды, социального и развитие способности конституирования автономного, независимого, аутентичного бытия. Актуальным для философской рефлексии и междисциплинарного познания остается анализ личностной автономии, связанной с познанием более широкого контекста изучения релевантных ей феноменов.

В начале XXI в. тема автономии интегрирована в проблемы личности, оснований её понимания, условий её формирования под влиянием глобальных трансформаций. Осознание себя личностью, выстраивание человеком своей жизни, наблюдение за этим процессом начинается с Нового времени. В свое время Платон усмотрел путь выстраивания себя, создания подлинного мира, наметил идеал индивидуальности, тесно связав его с идеями справедливости, блага. У Августина образ личности связывается с поиском целостности человека и его духовностью. В современных реалиях, согласно М. Фуко, личностное самоопределение подразумевает конституирование себя с учетом ориентации на реальность и её осмысление; сопротивление тем социальным институтам, которые подавляют личность; делать свою жизнь как произведение искусств; жить и мыслить так, чтобы преодолевать своё прежнее сложив-

шее бытие; быть открытым новому, переосмыслять и себя, и внешнюю реальность. Из этого следует, что нельзя однократно конституировать жизненный путь личности. Конструирование жизни личности, в том числе оформление границ её автономии, представляет сложную работу в условиях культурных и социальных оппозиций, смены традиций, символов веры, кризисов, трансформаций, а также новых «образов» в образовательном пространстве.

В проекте личностного становления дифференцируются личностные диспозиции. В широком смысле диспозитивность – деятельность по выбору, предпочтению, усмотрению. Она, как полагают В.В. Ильин, А.С. Панарин, Д.В. Бадковский, интегрирует «такие столпы персональности, как свобода и культура. Свобода культивирует субъективность как дееспособную, деятельную субстанцию, полноценное и полнокровное жизнелюбивое Эго». Культура достигает норморегулированности межличностных взаимодействий, поднимает индивида до высот ответственного, принимающего на себя обязательства актора. «Свобода и культура, воплощаясь в Эго, пробуждают в нём самоидентичную самость. “Самость” – от дерзаний, сознания собственной незаменимости, незаменимости, выражаемого в использовании первого лица. “Самоидентичность” – от приобщаемости к социальной памяти, принципам, регулятивам, вменяющим в отнесении актов, действий к себе брать за них на себя ответственность» [1, с. 66].

Понятие личностной диспозиции восходит к диспозициональному направлению в изучении личности. Каждая личность уникальна, полагал Г. Олпорт, и её уникальность наилучшим образом может быть понята через определение конкретных черт личности [2]. Г. Олпорт назвал индивидуальные черты личностными диспозициями. Личностная диспозиция предстает как «генерализованная нейропсихическая структура (специфическая для каждого индивидуума), способная отвечать на многие стимулы функционально одинаково, а также формировать последовательные (эквивалентные) формы адаптивного и стилистического поведения и руководить этим поведением» [3, р. 373].

В широком смысле личностная диспозиция – это предрасположенность вести себя сходным образом в широком диапазоне ситуаций. Под личностной диспозицией понимается основанная на выборе предрасположенность к действиям. Личностная диспозиция проявляется в поступках и культивируемых практиках.

В социальной философии в содержании понятия «автономия» фиксируется феномен дистанцирования личности от социального контекста. Как личностная диспозиция, автономность – это имманентная самоустремленность, способность выбирать между альтернативными возможностями, ориентируясь на внутреннюю поддержку (смысл), способность к самоуправлению (саморегуляции). Автономия – это дистан-

цирование себя, понимаемое как диалектика независимости и когеренции (зависимости) действий и мотивов.

Современный философский и психологический дискурсы презентуют автономность через такой предиктор, как субъект. Эволюция философских взглядов на проблему субъекта (от Р. Декарта до «воскрешения субъекта» в постмодернизме) показывает, что в рамках постнеклассической методологии когнитивной деятельности встречается представление о субъекте как необуловленном внешне акторе. Субъект отождествляется с Универсумом, осознающим себя, и с человеком, и с коллективным субъектом [4, с. 67–80]. Субъект обладает такими чертами, как существование, целостность и наличие внутренней мотивации к деятельности. «Требование субъектности приводит к необходимости рассматривать любой мир с точки зрения его когнитивных возможностей и делать это “глазами” субъекта данного мира. Если нечто происходит, то обязательно найдется субъект, которому принадлежит эта активность. Причем причины её не могут быть установлены внешним образом» [4, с. 70].

Теоретические и эмпирические исследования последних лет, посвященные теме субъекта и субъектного подхода в отечественной психологии, показывают разнообразие мнений и продолжающуюся методологическую дискуссию об объяснительных возможностях и приоритетах концептов «субъект» и «личность» [5]. Осознавая значимость этого вопроса, мы будем говорить об автономии как форме субъектности человека и как личностном качестве, полагая личность носителем субъектных свойств.

В психологическом дискурсе, затрагивающем эволюционный аспект субъектности, автономность проблематизируется [6, с. 27–43]. Автономность, целостность, активность как базовые характеристики субъектности проявились на самых ранних этапах развития живой природы. «Исходные формы становления будущей “самости” потребовали обособления внутренней среды организма от его внешней среды, то есть образования *границы*. Такая граница оказалась бы бесполезной, если бы параллельно не проходили биохимические процессы, нацеленные на постепенную *автономизацию* внутренней среды, позволившую даже простейшим организмам получить некоторую независимость от внешней среды. Дальнейшая дифференциация элементов внутри организма сопровождалась одновременными интегративными процессами, необходимыми для *целостной* работы живой системы. Решающую роль в развитии *активности* сыграло последовательное прогрессивное развитие сенсорных и моторных функций организма, обеспечившее ему (на животном уровне) возможность перемещения в пространстве. При этом организм не просто “реагирует” на внешние воздействия, но становится *соучастником* сложных процессов, протекающих в масштабе биоценоза.

Проблемы автономности в их биологическом аспекте связаны с проблемой взаимодействия вида и индивида. В контексте современной системной концепции эволюции автономность индивида выглядит очень условно» [7, с. 356].

А.А. Митькин указывает на следующие аргументы: принципиальную невозможность изолированного рассмотрения индивидуального развития вне его связи с закономерностями *микроэволюции* (изменчивости и наследственности организмов в ходе видообразования) и *макроэволюции* (общей направленности эволюционного процесса). «Индивидуальная изменчивость протекает не только в русле видовых преобразований, но и наоборот: эволюция вида возможна лишь благодаря адаптационно-поведенческой активности образующих его особей.

Двигателем *алломорфозов* (в терминологии Северцова), т. е. приспособлений к новым специфическим условиям существования вида, является *особь*. Парадокс, однако, состоит в том, что реальная поведенческая автономность особи и возможность «свободного выбора» оказываются при ближайшем рассмотрении предельно условными. Их основу составляют *генетические* программы, которые могут корректироваться под влиянием *индивидуального опыта*, но такая корректировка допустима лишь в пределах видовой «*нормы реакции*», последняя же также заложена генетически с учетом *возможного* варьирования средовых условий. В этой связи следует подчеркнуть чистую условность жесткого разделения факторов развития на генетические и средовые с последующим акцентированием внимания на особенностях взаимодействия этих факторов. Оба эти фактора входят в *систему* сложно взаимосвязанных процессов, реализуемых в масштабах биоценоза.

Индивидуальная «свобода» биологической особи состоит главным образом в её возможности (и предустановленной готовности) пожертвовать собой в интересах вида, что не исключает, а, напротив, предполагает её активность в борьбе за собственное выживание... Принцип «самодостаточности» и «самоценности» особи прозвучал бы явно абсурдно в его *биологическом* контексте» [6, с. 28].

Таким образом, заключает А.А. Митькин, автономность как критерий субъектности менее однозначен с точки зрения прогрессивных изменений в ходе эволюции. Он пишет: «Дело в том, что примитивные системы прочнее, чем сложные. Чем сложнее система, тем легче она разрушается. Адаптация организма к среде обитания осуществляется в двух направлениях: за счет *ригидных* механизмов и путем образования *гибких* связей. Системы второго типа более уязвимы (в большей мере подвержены воздействию разрушающих факторов), но обладают приспособляемостью к изменчивым условиям. Вместе с тем эволюционные усложнения системы не делают её более свободной от необходимости соблюдения определенных (и достаточно жестких) правил. Повышается

лишь вариативность внутри- и внесистемных связей и *взаимозаменяемость* вариантов (в пределах, диктуемых *нормой* реакции)» [6, с. 29].

Здесь уместно провести аналогию с воздействием виртуальной реальности на личность, её «свободу», автономию, понимаемую как диалектику зависимости и независимости. Неконтролируемое разрастание виртуальной реальности представляет угрозу существования каждому, кто в ней оказывается. Негативное воздействие непосредственно направлено на управляющие регистры личностной саморегуляции, на закрепленные антропогенезом механизмы адаптации, диагностики подлинной реальности, регулятивы межличностных и социальных взаимодействий. Можно утверждать, что современный человек тонет в информационных потоках, он не способен «фильтровать» информацию автономно, со стороны СМИ ему навязываются стандарты, в основном потребления. В силу информационной лжи у человека возникает недоверие к любой информации, что ведет к затруднению идентификации.

Как показано рядом исследований, виртуальная реальность, создаваемая информационными технологиями, трансформирует структуры идентичности, влияет на аутентичное «Я», самоидентичность личности. Кризис самоидентичности заключается в разрушении условий возможности целостного восприятия субъектом себя как самотождественной и автономной личности. Это процесс сопровождается биопсихосоциальной дезориентацией, невозможностью дифференцировать значимость события, а также ценность и самооценку своей жизни. В киберпространстве размывается целостность человека, его критическая рефлексия, граница между реальным и нереальным, теряется ясное представление о границе возможного и невозможного, которое всегда лежало в основе рационального планирования действий.

Выскальзывающие из-под контроля социального субъекта информационные технологии (Интернет, мобильная связь) усиливают личную зависимость от социального, размывают личностные (психологические) границы. Как показывают результаты психологических исследований, эти границы формируют модальности «Я» и «не-Я», на границе взаимодействия с миром рождается субъектность [8, с. 164–168].

Границы определяют личную идентичность человека. Устанавливая границу, личность самоопределяется и получает возможность, не нарушая личной свободы, выбирать способы самовыражения и самоутверждения. Без границ идентичность размывается. Границы создают возможность селекции внешних влияний. Наличие границ определяет пределы личной ответственности.

Внедрение, широкое и тотальное распространение информационных технологий ярко демонстрируют проблематичность сохранения «статуса» автономии и приватности. Приватность, понимаемая как форма выбора параметров взаимодействия или отказа от него, исполь-

зования информации о самом себе и попыток оценивания своего поведения в настоящем и будущем, представляет собой способ защиты «Я» и необходима для сохранения автономии и личного достоинства человека. Приватность – это суверенная область, власть «самости». В этой области человек самоопределяется, здесь формируется собственное мнение (и самомнение), отношения и самоотношение, решения, подвластные только самости. По мнению С.К. Нартовой-Бочавер, приватностью называется та буферная область между субъектом и средой, в зоне которой возможно преобразование средового влияния. «В самом общем виде приватность – это “личное” дело, опыт сепарации от физической стимуляции и социального окружения, способность контролировать обстоятельства своей жизни, возможность выбора и ответственности за него» [8, с. 68].

Автор наиболее полного исследования приватности И. Альтман объясняет приватность (privacy) как центральный регуляторный процесс, посредством которого персона или группа изменяет свою открытость другим, селективный контроль доступности человеческого «Я», синтез стремления быть в контакте и вне контакта с другими; это процесс установления межличностных границ, который, подобно клеточной мембране, открывает или закрывает субъекта для общения [9].

Приватность служит целям установления личной автономии. Общее предназначение приватности состоит в усилении саморегуляции человека, поддержании и укреплении его психического здоровья и психологического благополучия. Не случайно здоровье понимается как состояние органической автономии, в которой каждая часть интегрирована в целое. В зарубежной психологии получены данные о том, что ущемление права на приватность коррелирует с такими особенностями личности, как пониженная самооценка, недоверчивость, ослабленная креативность. Сегодня приватность, которая традиционно символизировала границы свободы личности, переживает конфликтное отношение к себе. Социум поддерживает социальную конформность и ограничивает проявления индивидуального. В свою очередь «протестное» индивидуальное строит виртуальную идентичность.

Междисциплинарный дискурс, обращенный к проблеме влияния и отдаленных последствий продуктов современных информационных технологий, проблематизирует возрастание автономии личности. Информационные технологии, предельно расширив мир человека, сделав его своим придатком, «рабом», тем самым поспособствовали разрушению личностных границ, свободы, автономии, независимости, достоинства. Мобильная связь вместе с другими новейшими средствами коммуникации всё в большей степени оказывает влияние на степень свободы личности, её автономность, превращая её в «объект». Так, по определению, личность должна оставаться свободной, всегда отдельной и «другой». Для личности неприемлема зависимость, всякое вторжение, вклю-

чая насилие над её внутренним миром. Личности иррелевантны публичность, всеобозримность, массовый вкус. Личности релевантны категории интимного, потаённого, сокровенного, личного дела, собственного вкуса, приватной жизни. Личностный интерес определяет топографию и естественные границы личности, отстаивает независимый, неподконтрольный, непросматриваемый внутренний мир, границы достоинства.

Обобщая вышеизложенное, можно полагать, что автономность как личностная диспозиция, как сепарация от социальности обладает эволюционным смыслом, она содержательно связана с социогенезом, социальной саморегуляцией, имеет социокультурное предназначение.

Герменевтика понятия «автономия» восходит к его политическому смыслу, который первоначально обозначал право (для города и государства) издавать свои собственные законы. И. Кант расширил понятие «автономии» до рационального и душевно-психического смысла, отнес его к пространству личности, к сфере личностных качеств. «Своеобразие человека состоит в особой самостоятельности и активности его психики, а именно в том, что с помощью своего разума он полагает себе номос, который как закон определяет его жизнь – разумеется, во взаимодействии с причинными законами природы и общества» [10, с. 283]. Такое расширенное толкование И. Кантом автономии стимулировало мыслителей к различению у человека законосообразных детерминаций – биологической, социальной и самодетерминации (психической). Самодетерминацию надо отличать от простой причинности. Это не самопричинность человека, а именно автономия – само-законо-полагание» [11, с. 460].

Сегодня психологический дискурс распознает личностную автономию как механизм самодетерминации и саморегуляции [12; 16; 17]. Этот механизм реализуется в виде осознанного выбора способа действий, учитывающего как внутренние стремления, так и внешние условия жизни человека. В теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райена самодетерминация, или автономия, рассматривается как ощущение и реализация свободы выбора человеком способа поведения и существования в мире независимо от влияющих на него сил внешнего окружения и внутриличностных процессов. Человека называют автономным, когда он действует как субъект. Быть автономным означает быть самоиницируемым и саморегулируемым. Количественной мерой автономии является то, в какой степени люди живут в согласии со своим истинным «Я». Автономия характеризует личностное развитие как организмическую интеграцию личности, результат личностного развития – интеграции «Я» и самодетерминации поведения. В свою очередь, автономное поведение ведет к большей ассимиляции опыта и повышению связанности и структурированности «Я» [13, с. 227–268]. Э. Деси и Р. Райан выделяют три основные личностные ориентации согласно доминирующим

у людей механизм регуляции их действий: 1) автономную ориентацию, основанную на убеждении о связи осознанного поведения с его результатами; источником поведения выступает осознание своих потребностей и чувств; 2) подконтрольную ориентацию, основанную на ощущении связи поведения с его результатом, когда поведение инспирировано внешними требованиями; 3) безличную ориентацию, когда полагается, что результат не может быть достигнут целенаправленно и предсказуемо. Психологи считают, что в практической жизни у человека присутствуют все три типа ориентации, а индивидуальные различия выражаются в соответствующих пропорциональных соотношениях ориентации.

Путь формирования личностной автономии, по мнению Э. Деси и Р. Райена – через интернализацию мотивации и соответствующего переживания контроля над поведением: от чисто внешней мотивации через этапы интроекции, идентификации и интеграции к внутренней мотивации и автономии.

В центре внимания теории самодетерминации – динамика мотивации и её связь с развитием личности [14, с. 68–78]. Авторы используют понятия «внешней» и «внутренней» мотивации. Различающий их признак – местоположение источника инициации действия: это либо внешний агент, либо сам субъект. Внутренняя мотивация (воля самого субъекта) обнаруживает себя во врожденном стремлении к познанию, упражнению и росту. Внутренняя мотивация на протяжении всей жизни связана с положительными эмоциями – чувствами полноты и радости жизни, увлеченностью делом, творческой удовлетворенностью. Авторы выделяют три базисных потребности, удовлетворение которых необходимо для поддержания и развития внутренней мотивации, а неудовлетворение приводит к её ослаблению и подавлению. Это природные потребности в автономии, компетентности и принадлежности. Удовлетворение всех трех стремлений взаимосвязано.

Как считают критики теории автономии и самодетерминации Э. Деси и Р. Райена, несмотря на её эмпирическое подтверждение, она не дает ответа на главный вопрос о том, для чего человеку автономия и самодетерминация и каков их смысл [15, с. 3–27]. По мнению Д.А. Леонтьева, автономия и самодетерминация нужны человеку для того, чтобы ориентировать наше поведение в пространстве возможного. Ориентируясь на давно известную в философии и вновь звучащую в психологии категорию возможности, психолог полагает, что осознание пространства возможного и рефлексия собственной ситуации выбора являются необходимой предпосылкой автономной самодетерминируемой жизнедеятельности.

Самодетерминация, понимаемая как установление границ самому себе, влечет появление механизма саморегуляции. Суть личностной автономии – в способности саморегуляции, способности регулировать

свое поведение, понимаемое как «результатирующее» способности устанавливать и трансформировать основополагающие принципы, ценности, смыслы, вероятельные установки, а также как проявление человеческой свободы. В современном понимании саморегуляция предполагает активное преобразование мира в соответствии с потребностями субъекта, она сводит воедино различные психические модальности, обеспечивает единство актов активности, соотносит индивидуальные способности и открывающиеся возможности бытия и согласует действия человека не только с требованиями среды, но и с действиями других людей. Саморегуляция – это психологический механизм реализации активности субъекта.

В заключении нам важно подчеркнуть открытость проблематики автономии для философской рефлексии и междисциплинарного дискурса, а также обозначаемые сегодня новые контуры её интерпретации.

Список литературы

1. Ильин В.В., Панарин А.С., Бадковский Д.В. Политическая антропология. М., 1995.
2. Олпорт Г. Становление личности. М., 2002.
3. Allport G.W. Pattern and growth in personality. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1961.
4. Меськов В.С., Мамченко А.А. Цикл трансформации когнитивного субъекта. Субъект, среда, контент // Вопросы философии. 2010. №5. С. 57–68.
5. Субъектный подход в психологии / под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М., 2009.
6. Митькин А.А. Субъектность человека: грани и границы. Ч. II // Психологический журнал. 2008. Т. 29, №4. С. 27–43.
7. Иорданский Н.Н. Эволюция жизни. М., 2000.
8. Нартова-Бочавер С.К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб., 2008.
9. Altman I. The environment and social behavior. Privacy, personal space, crowding. Monterey, CA: Brooks/Cole Publishing Company, 1975.
10. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках / под ред. Б. Бушлинга, Н. Мотрошиловой М., 1997. Т. 3.
11. Огурцов А.П. Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб., 2004.
12. Леонтьев Д.А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психологический журнал. 2000. Т. 21, № 1. С. 15–25.

13. Deci E.L., Ryan R.M. The «what» and «why» of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior // *Psychological Inquiry*. 2000. № 11. P. 227–268.
14. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development and well-being // *American psychologist*. 2000. V.55, № 1. P. 68–78.
15. Леонтьев Д.А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // *Вопросы психологии*. 2011. №1. С. 3–27.
16. Леонтьев Д.А. Неклассический вектор в современной психологии // *Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива* / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М., 2007. С. 74–94.
17. Дергачева О.Е. Теория самодетерминации // *Большой психологический словарь*. СПб., 2003. С. 83–84.

AUTONOMY AS A PERSONAL DISPOSTION

E.Y. Maikova

Tver State Technological University (Tver)

The article offers an interpretation of a concept of "autonomy" understood as a personal disposition. Within its format, the terminological context of concepts relevant to autonomy is outlined. Among them are such properties of autonomy as subjectivity, self-determination, and self-control. The increase of a personal autonomy under the conditions of influence of modern technologies is subjected to a detailed multi-facet analysis.

Keywords: *autonomy, personal disposition, self-determination.*

Об авторе:

Майкова Элеонора Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент, зав.кафедрой социологии и социальных технологий, Тверской государственной технической университет. E-mail:maikova@tstu.tver.ru